

Владимир Маяковский

Рожденные столицы

Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений в тринадцати томах.

Том девятый. 1928

Подготовка текста и примечания В. А. Арутчевой

ГИХЛ, М., 1958

[OCR Бычков М.Н.](#)

Тот, кто никогда не был в так называемой "провинции", плохо сейчас себе эту провинцию представляет.

Тот, кто был в этой провинции до революции, -- не представляет ее совсем.

Прежде всего, самое название "провинция" дико устарело. Архаический язык еще склонен называть провинцией даже такие города, как Минск, Казань, Симферополь, а эти города, волей революции ставшие столицами, растут, строятся, а главное, дышат самостоятельной культурой своей освобожденной страны.

Наши дни -- начало культурной революции -- постоянно отмечают рост интересов рабочей массы к литературе.

Мне, по моей разъездной специальности чтеца стихов и лектора литературы, нагляднее и виднее этот рост.

За последние два месяца я выступал около 40 раз по разным городам Союза.

Первое впечатление -- аудитория круто изменилась. Раньше редкий город мог бы выдержать более, чем один литературный вечер. И аудитория -- прежде густые, потом битые сливки города. Расходились задолго до окончания, чтобы не обменяли их ботики и шубы. Расстанешься после вечера и больше никогда и никого не видишь, разве что у зубного врача на приеме.

Сейчас любой платный вечер, рассчитанный на пару-рублевые билеты, неизменно горит. Тем не менее барьеры поломаны и стекла выбиты -- это идут по два, по три на каждый входной и галерочный билет. Неизменная фраза перед началом каждого чтения: "Прошу товарищей галерочников слезть в партер!"

Настоящая аудитория и настоящее чтение начинается только на другой день.

Так, в Баку, после вечера в бывшем особняке бывшего миллионера, теперь Дворце тюркской культуры, звонки -- "отношения".

-- Товарищ Маяковский, ждем тебя в доках!

-- Товарищ Маяковский, красноармейцы и комсостав такой-то и такой-то дивизии ждут тебя в Доме Красной Армии!

-- Студенты не могут думать, что ты уедешь, не побывав у них...-- и т. д., и т. д.

Зато и слушатель встречается по-другому.

Грузчик в Одессе, свалив на пароход чьи-то чемоданы, здоровается со мной без всякого обмена фамилиями и, вместо: "Как поживаете?" -- валит: "Скажи Госиздату, чтобы Ленина твоего дешевле издал".

Красноармеец из уличного патруля (3 года назад в Тифлисе) сам удостоверяет мою поэтическую личность.

За один день читал (за один, но не один) от гудка до гудка, в обеденный перерыв, прямо с токарного станка, на заводе Шмидта; от пяти до семи -- красноармейцам и матросам в только что строенном, прекрасном, но холодном, нетопленном Доме Красной Армии; от девяти до часу -- в университете,-- это Баку. Еще бы, он столичнится на моих глазах.

Я помню дореволюционный Баку. Узкая дворцовая прибрежная полоса, за ней грязь Черного и Белого города, за ней -- тройная грязь промыслов, с архаической фонтанной и желоночной добычей нефти. Где жили эти добыватели -- аллах ведает, а если и жили где, то недолго.

Пыльно, безлисто.

Культура -- "интернациональная".

Язык -- среднерусский: "беру манташевские, даю манташевские!"

Запросы простые -- заплатить копейку, вышибить рупь.

А тюркский язык -- к чему он? Манташев и без него в Париже обойдется, а манташевский рабочий